

© 2012 г.

С .Г. Карпюк

ПЕРСИДСКАЯ РОСКОШЬ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ*

В статье прослеживается изменение «моды» на роскошь в Афинах V в. до н.э. В течение второй половины V в. до н.э. происходит распространение аристократической приверженности к персидской роскоши на демос, свидетельством чему становятся комедии Аристофана. В то же время, для афинской аристократии роскошь перестает быть престижной, и она обращается к лаконской простоте. Восхищение спартанскими эгалитарными ценностями в среде афинских аристократов конца V в. до н.э. стало реакцией на материальное благосостояние афинского демоса, доступность предметов роскоши для его представителей.

Ключевые слова: Афины, полис, аристократия, демос, демократия, роскошь, Аристофан, Фукидид.

Цель статьи – рассмотреть изменение «моды» на роскошь в Афинах V в. до н.э., прежде всего, в среде афинской аристократии и попытаться дать, насколько это в наших силах, объяснение данному процессу. Восхищение роскошью и стремление обладать предметами роскоши были характерными чертами древнегреческой аристократии, и первые законы против роскоши, направленные на защиту идеалов равенства и солидарности граждан полиса, приписываются ранним законодателям.

Восприятие греками классического периода, и, прежде всего, афинянами, как предметов персидской роскоши, так и импорта из Персидской державы в целом – феномен, требующий специального рассмотрения. Восприятие роскоши претерпевало изменения, и это восприятие следует рассмотреть в развитии, т.е. в диахронном аспекте. Данная проблема подвергалась исследованию и археологами, и искусствоведами, поэтому в моей статье, в первую очередь, будет рассматриваться письменная традиция. Научных работ, напрямую затрагивающих данную тему, немного, и из них следует выделить ряд статей и монографию канадско-австралийской исследовательницы Маргарет Миллер, которые отличаются практически полным охватом источников и междисциплинарным (историко-антропологическим) подходом¹.

Карпюк Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Выражаю благодарность И.Е. Сурикову, И.А. Макарову и другим коллегам, высказавшим ценные замечания при обсуждении статьи.

¹ Miller 1997; 1992, 91–105.

Предметы персидской роскоши были знакомы балканским грекам со времен Греко-персидских войн. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Обычай использовать на пирах золотую и серебряную посуду был широко распространен в среде ахеменидской знати. Очевидно, с этим обычаем связано подношение золотых и серебряных сосудов в виде даров. «Ахеменидские» (по стилю) серебряные сосуды (но, возможно, произведенные не в Персии), датируемые первой половиной V в. до н.э., находят во время раскопок во Фракии². Несомненно, этот обычай стал хорошо известен грекам с тех пор, как города и племена, через которые проходило войско Ксеркса, должны были доставлять персам не только съестные припасы, но также золотую и серебряную посуду на стол царя и его приближенных (Herod. VII. 119).

Проблема влияния персидских предметов роскоши на греков в классическую эпоху вызвала определенный – хотя и не очень значительный – интерес и среди искусствоведов-музейщиков, и среди специалистов по культурным взаимодействиям. Первые рассматривали влияние «ахеменидской» посуды из драгоценных металлов на аттическую керамику как результат потрясения греков от огромной добычи, захваченной после битвы при Платеях и распределенной впоследствии между разными греческими полисами³. Но, по мнению современных исследователей, аттические керамические подражания «ахеменидским» сосудам из драгоценных металлов можно объяснить не только и не столько влиянием визуального шока от платейской добычи, но и внедрением (вольным или невольным) персами этих сосудов в качестве своеобразного стандарта роскоши и даже меры стоимости⁴. Необходимо отметить, что в общей массе изображений на расписной керамике классического периода доля сцен с изображениями персов либо предметов «восточной роскоши» мизерна⁵.

Важнейшую роль в знакомстве греков с персидскими предметами роскоши и предметами быта вообще сыграла добыча, полученная в ходе Греко-персидских войн. А она была немалой, коль скоро Фукидид перечислял «мидийскую добычу» в числе других важнейших материальных ресурсов Афин к началу Пелопоннесской войны (II. 13. 3–5). Военная добыча эпохи Греко-персидских войн воспринималась и как возможный источник личного богатства: в качестве примера можно привести Каллия, сына Гиппоника, источником богатства которого якобы стал клад, найденный им после битвы при Марафоне (Plut. Arist. 5. 5–7; Aristoph. Neb. 64)⁶.

Конечно, это добыча попадала, прежде всего, в руки аристократов, которые были знакомы с восточной роскошью и раньше. Наиболее показательный пример – Кимон, один из самых удачливых полководцев эпохи Греко-персидских войн. Впрочем, отношение Кимона к персидской роскоши было не столь однозначным. Знаменитая история, восходящая к Иону Хиосскому и пересказанная Плутархом (Plut. Cim. 9. 3–6 = FGrHist 392 F 13), о разделе добычи между афинянами и союзниками очень показательна в этом смысле:

² Zournatzi 2000. Ср. *Thuc.* II. 97 – о большом количестве золотых и серебряных сосудов у одрисов.

³ Strong 1966.

⁴ Miller 1997; Zournatzi 2000, 701–702.

⁵ Webster 1932.

⁶ И.Е. Суриков обоснованно указывал на ложность традиции, согласно которой Каллий «Богатый» разбогател, найдя этот самый клад. См. Суриков 2008, 80–81, прим. 46. Впрочем, характерен уже сам факт появления подобных слухов.

«Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленный. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленный стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота из выкупных сумм осталось и для казны».

Конечно, исторический эпизод времен Греко-персидских войн (речь идет, на первый взгляд, о военных действиях первой половины 470-х годов) мог обрасти легендами. И.Е. Суриков, к примеру, не сомневаясь в исторической достоверности данного эпизода, аргументированно связывает его с битвой при Евримедонте, которая имела место в 466 г. или несколько ранее⁷. Однако реакция союзников, которую выразил житель Самоса, уже давно и хорошо знакомый с персидскими предметами роскоши, была вполне предсказуема: персидские украшения и одежды имеют большую ценность. Союзники ошиблись, и выкуп за пленный знатный персов составил еще большую сумму. Характерна, впрочем, реакция на персидскую роскошь. Кимон, как и союзники, был хорошо осведомлен о ценности персидских драгоценных отношений и одежд, знаком с персидскими обычаями. Афинский полководец, с одной стороны, трезво рассчитывал на большой доход от выкупа знатный персидский пленный, с другой – «мода» на персидское уже начала проходить в среде афинской аристократии, уступая «моде» на лаконское (об этом см. ниже).

Больше всего сведений по теме восходит к последней четверти V в. до н.э., и основной наш источник – комедии Аристофана. Интерес комедиографа к реалиям афинской жизни общеизвестен, и описание их восприятия – один из источников комического. Необходимо также отметить, что манипуляция костюмом и аксессуарами персонажей пьес – неотъемлемая часть комического в «Ахарниях», «Женщинах на празднике Фесмофорий» и других пьесах Аристофана⁸.

Персия и персы воспринимаются комедиографом как очевидный источник роскоши. Упоминание предметов персидского импорта – не редкость в его комедиях. Например, во фрагментах Аристофана упоминаются персидский головной убор (Fr. 70 [559])⁹ и персидский посох, который противопоставляется неказистому посоху местного изготовления:

Персидский посох вместо крюковатого (Fr. 304 [142]).

⁷ Суриков 2008, 219–221.

⁸ Примеры: Compton-Engle 2003, 508–509.

⁹ Фрагменты переведены М.Л. Гаспаровым (Аристофан 2000). В квадратных скобках – нумерация по изданию: Poetae 1984.

Персия для комедиографа, прежде всего, – источник золота. В «Ахарниях» (102 sq.) афинский посол, «переводя» с тарабарского на местное наречие речь Лже-Артаба, резюмирует:

Он говорит, что царь пришлет вам золото.
Скажи им громче и яснее: золото!

В другом месте пьесы посол также упоминает золотые персидские сосуды:

В гостиницах поили через силу нас
Из чаш хрустальных, золотых и яшмовых
Вином сладчайшим, крепким.

(Acharn. 73–75)¹⁰

Персидский комфорт представляется образцовым и противопоставляется незамысловатому афинскому быту. Афинские послы в Персии «изнемогали», «на повозках мягко возлежат» (ἐφ' ἄρμαμαξῶν μαλθακῶν κατακείμενοι) (ibid. 70), в то время как Дикеополь «блаженствовал» на соломенном тюфяке (ibid. 71–72).

Понятно, что Аристофан не был первым, кто рассматривал Персию в качестве источника роскоши. Эсхил, как и другие авторы, в трагедии «Персы» неоднократно использует эпитет «многозлатый» (πολύχρυσος) по отношению к персам. Исследователи полагают, что Эсхил специально подчеркивал персидскую роскошь и противопоставлял личное богатство персов общественным расходам афинян на строительство флота¹¹. Суждения о роскоши (ἀβροσύνη) лидеров были вполне обычными уже в архаической греческой поэзии.

Большой интерес представляет обращение драматурга к конкретным предметам роскоши, как то: птицам, одежде и обуви, предметам интерьера. Высокий престиж обладания лошадьми и породистыми собаками был характерен для аристократической культуры и вряд ли был напрочь отвергнут и афинским демосом, и самим комедиографом (чего стоит спор о «конном» имени в «Облаках», да и сын Аристофана был назван Филиппом).

В комедиях Аристофана очень часто упоминаются птицы, и не случайно одна из комедий так и названа. Обладание птицами (особенно экзотическими) было в древней Греции частью престижного потребления. С одной стороны, птицы – роскошь, с другой – хорошо знакомы «широким народным массам». В «Птицах» (ст. 483–492) петух (ὁ ἀλεκτρυών), который называется «персидской птицей», уподоблен персидскому царю¹²:

(Писфетер)

Вот, к примеру, я тотчас же вам докажу, что петух был когда-то владыкой
И тираном персидским, он много древней всяких Дариев и Мегабазов,
И по этой-то власти старинной своей и зовется он «птицей персидской».

(Aristoph. Av. 483–485)

В другом пассаже этой пьесы павлин рассматривается как наиболее желанная птица:

(Эвельтид – Писфетеру)

Правда, птица! Любопытно, что за птица. Вдруг павлин? (Ὁὐ δῆπου ταῦς;).

(Aristoph. Av. 269)

¹⁰ Переводы стихов из комедий Аристофана (за исключением оговоренных) даны по изданию: Аристофан 2000.

¹¹ Goldhill 1988, 190–191; Рунг 2009, 120–121.

¹² Taillardat 1962, 38; Рунг 2009, 140–141.

В «Ахарняхах» (61 sqq.) павлины и петухи определенно ассоциируются с персидским царем и, возможно, с персидской роскошью:

(*Глашатай*)
Послы царя!
(*Дикеополь*)
Царя какого? В шею всех
Послов, павлинов, петухов и хвастунов!

О том, что птицы и особенно вывезенные из Персии павлины однозначно воспринимались как предметы роскоши, свидетельствуют биографические материалы представителей одной семьи – Пирилампа, отчима знаменитого философа Платона (Plat. Charm. 158a; Plut. De gen. Socr. 518d), и его сына Демоса. Пирилампа был достаточно известной фигурой. Он принимал участие в мирных переговорах с Персией (Plat. Charm. 158a; возможно, он был спутником знаменитого Каллия во время заключения мирного договора 449 г.). Из Персии он привез павлинов, которых успешно разводил и о которых говорили в Афинах (Antiph. fr. 57 Blass). Плутарх, впрочем, рассматривал его как «друга» (ἑταῖρος) Перикла в 430-е годы (Plut. Per. 13. 15). Несомненно, Пирилампа неоднократно ездил в Азию в составе афинских посольств (Plat. Charm. 158a) и, очевидно, очень опасался потерять свое высокое положение. Опасался настолько, что посылал павлинов в подарок близким Периклу женщинам (Plut. Per. 13. 15) и назвал Демосом своего сына от первого брака, который родился около 440 года (PA 3573; Plat. Gorg. 481d, 513b; Aristoph. Vesp. 98; Lys. XIX. 25). Пирилампа смог передать свое «теплое место» Демосу, который, как известно, продолжал разводить павлинов и получил, очевидно во время дипломатической миссии, золотую чашу в подарок от персидского царя (Lys. XIX. 25; Aristoph. Ach. 61–63). Демос был еще молод (καλός) в 423 г. (Aristoph. Vesp. 98; его также упоминает и Евполид – fr. 213). И, конечно же, Платон не мог не упомянуть в своих сочинениях собственного родственника (Gorg. 481d sqq., 513a–c).

Костюмы персонажей, а точнее, их смена – важное послание драматурга зрителям. В «Ахарняхах» Дикеополь в начале пьесы (ст. 184–185) носит трибон (τρίβων – верхняя одежда бедняков), а в конце пьесы надевает более престижный гиматий, который отличался более высоким качеством (ст. 1139)¹³. Еще более роскошным предметом верхней зимней одежды считалась χλαίνα (особенно Aristoph. Vesp. 1151–1156; Eccl. 848–850; cf. Vesp. 33, 116; Eur. fr. 280. 3; Lys. XXXII. 16)¹⁴. В «Ахарняхах» (Ach. 64), возможно, упоминается персидская теплая одежда. Дикеополь вокликает:

Ух ты! Наряд из Окбатан
(Βαβαιάξ. Ἐκβάτανα τοῦ σχήματος).

Характерно, что им использовано простонародное произношение «Окбатана», а не более нормативное Ἐκβάτανα или эпическое τὰ Ἀυβάτανα.

Тема персидской одежды получает развитие и в более поздних комедиях Аристофана, прежде всего в «Осах»; через всю пьесу проходит шуточное противо-

¹³ Aristophanes 2002, LXVI–LXVIII.

¹⁴ Aristoph. Ach. 845 χλαίναν. Хлена – теплая (Aristoph. Vesp. 1151–1156) шерстяная (Aristoph. Vesp. 1146–1149; Av. 493; Lys. 584–586) верхняя одежда того типа, который мужчины носят зимой (Aristoph. Av. 712, 714–715, 1089–1090; Hom. Od. XIV. 529; ср. Aristoph. Vesp. 1055–1059), и поэтому деталь, подходящая для времени года, когда проходят Ленеи (Aristoph. Ach. 857–859, 875–877). Ср. Aristoph. Ach. 184–185; Poll. X. 123–124, где цитируется комедиограф Феопомп (fr. 11) (Aristophanes 2002, 282–283).

стояние поклонника известного демагога Клеона (Филоклеона) и его ненавистника (Бделиклеона). Это противостояние затрагивает, если можно так выразиться, и сферу «моды», сферу бытовых и эстетических пристрастий в одежде и обуви. Бделиклеон пытается «приодеть» своего отца Филоклеона в дорогой иноземный шерстяной плащ – «изделье Экбатан» (на этот раз название города уже в традиционной орфографии) (Vesp. 1131–1150), уговаривая его:

Дерюгу (*трибон*) скинь,
И в этот мягкий, теплый плащ (*хлену*) укутайся!

Затем Бделиклеон дает этому изделию дополнительную спецификацию: плащ называется персидой или каунакой (*ibid.* 1137). На недоверчивое заявление отца, что продукция отнюдь не импортная, а слегка выделанная дубленка (*сисира*), причем греческого пошива – из Фиметиды (*ibid.* 1138), следует обвинение отца в «темноте» (тот-де не бывал в Сардах – *ibid.* 1139–1140). Бделиклеон подчеркивает, что материал для плаща изготовлен в самих Экбатанах (*ἐν Ἐκβατάνοισι* – *ibid.* 1143)¹⁵, на что ехидный Филоклеон вопрошает: что в Экбатанах не из шерстяных ли потрошков (*κρόκης χόλιξ*) делают плащи? (*ibid.* 1144). И Филоклеону приходится объяснять, что этот плащ очень дорог, стоит талант (*ibid.* 1145–1147) – явное преувеличение.

Однако в комедиях Аристофана проявляется и другая тенденция в восприятии персидского импорта. Во «Всадниках» Аристофан упоминает зонтик от солнца, из текста очевидно знание автором его устройства; комедиограф знает, что он открывается и складывается (Eq. 1347–1348). В «Птицах» Прометей сначала пытается прикрыться зонтиком, «чтобы боги не видели» (Av. 1508–1509), а затем еще более комическим образом пытается использовать данный предмет дамского туалета. Он просит у Писфетера зонтик для того, чтобы сойти за девушку из Панафинейской процессии:

Давай-ка зонтик, чтобы принял Зевс меня
За девушку из праздничного шествия.
(Aristoph. Av. 1549–1551)

В «Женщинах на празднике Фесмофорий» комедиограф перечисляет такой зонтик в числе специфически женских предметов (Thesm. 823). Воспринимались ли зонтик от солнца (*σκιάδειον*) и балдахин (*σκιάς*) как предметы именно «персидской» роскоши в греческой среде, не совсем понятно. Исследователи также связывают распространение дамских зонтиков в классических Афинах (например, в Панафинейских процессиях) с восточным, в частности персидским, влиянием. Зонтики воспринимались как атрибут роскоши, изображения женщин с зонтиками на вазописии – это безусловно изображения жен и дочерей афинских граждан. В Персии зонтик был царским подарком, его дарили аристократам-мужчинам, а в Афинах происходит определенное понижение престижности этого предмета¹⁶.

Еще более разительно выглядит «понижение статуса» персидской обуви. Если персидская каунака действительно воспринималась как предмет роскоши, достойный граждан-мужчин, то персидские мягкие туфельки (*Περσικά*) имели совсем

¹⁵ Однако, что касается теплой накидки, то место ее производства, так сказать, *made in*, указано точно: Экбатаны, Мидия (скорее всего, произведена она была в Вавилонии – Miller 1997, 154–155), причем и качество выделки «импортной» шерстяной ткани, и ее теплозащитные свойства утрированно подчеркиваются комедиографом.

¹⁶ Miller 1992, 91–105, с полным перечнем случаев употребления.

другое предназначение. Они могли использоваться как детские пинетки, как это видно из восклицания Мнесилоха в «Женщинах на празднике Фесмофорий»:

О! Что я вижу. Мех с вином – не девочку
В руках держу я! Мех в персидских туфельках!
(καὶ ταῦτα Περσικάς ἔχω).

(Thesm. 733–734)

Афинские женщины использовали эти самые τὼ Περσικά как домашние туфли. В «клятве невинности» в «Лисистрате» главная героиня призывает подругу не предаваться изощренным любовным утехам, заставляя подругу Клеонику повторять: «Не подниму персидских туфель к пологу...» (Lys. 229–230). Очевидно, что «персидские туфельки» должны были обладать особой миниатюрностью и изяществом, если Сократ в «Облаках» обувал в них блоху:

(Ученик – о Сократе)
В топленный воск легонько окунул блоху.
Воск остудивши, получил блошинные
Сапожки (Περσικά), ими расстояние вымерил.

(Nub. 150 sqq.)

В аристофановских «Лягушках» отношения господства и подчинения передаются через облик персонажа, и не случайно внешность главного персонажа комедии, Диониса, большую часть действия изменена¹⁷. В диалоге знаменитых трагедиографов Еврипид обвиняет Эсхила в запугивании публики различными вымышленными существами и говорит, что он сам, напротив, не придумывал, «клянусь Зевсом, как ты [Эсхил], ни лошадей-петухов, ни козлов-оленей (ἵππαλεκτρυῶν, τραυέλαφος), которые изображены на мидийских тканях» (Aristoph. Ran. 937–938). Подобные изображения характерны для персидского, в частности ахеменидского искусства¹⁸. Можно высказать предположение, что речь в данном случае идет о каком-то подобии коврика либо гобелена, которые встречались в домах более или менее состоятельных афинян.

Итак, в Афинах V в. до н.э. можно проследить тенденцию к постепенному снижению «престижности» предметов персидского импорта¹⁹. Этому способствовала «открытость» Афин, превращение афинского полиса в «глобальный город» (в рамках Средиземноморья), доступность в связи с этим заморского импорта для афинян. Во фрагменте комедии Гермиппа сохранился перечень разнообразных товаров, поступающих в Афины по морю: стебли сельфия и шкуры быков из Кирены, соленая рыба из Геллеспонта, зерно и мясо из Фессалии, свиньи и сицилийский сыр из Сиракуз, папирус из Египта, ладан из Сирии, слоновая кость из Ливии, кипарисы с Крита, изюм и фиги с Родоса, груши с Эвбеи, миндаль из Пафлагонии, финики из Финикии и т.п.²⁰ Об этом же свидетельствует и знаменитая речь Перикла в передаче Фукидида, в которой подчеркивается как положительное отношение афинян к богатству, так и естественность для них использования заморских даров: «Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности; мы

¹⁷ Compton-Engle 2003, 525.

¹⁸ Ср. малоизвестную работу знаменитого русского востоковеда-ираниста: Розенберг 1927.

¹⁹ Тем не менее, как свидетельствует поведение Алкивиада во время Олимпийских игр, «персидский шатер» однозначно воспринимался как атрибут роскоши (Andoc. IV. 30). См. Суриков 2011, 189.

²⁰ Ср.: *Hermipp. ap Athen.* I. 27e–28a (Kock I, p. 243, fr. 63).

пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах...» (II. 40. 1); «...благодаря обширности нашего города к нам со всей земли стекается всё, так что мы наслаждаемся благами всех других народов с таким же удобством, как если бы это были плоды нашей собственной земли» (II. 38. 2). Близкий по смыслу пассаж можно найти и в псевдо-ксенофоновой «Афинской политике», относящейся к 420-м годам (II. 7–8, 11). Парадоксальным образом роскошь в Афинах становится почти что общедоступной²¹.

Наступает хорошо известная реакция: если роскошь доступна всем, значит, это уже не роскошь. Не случайно Фукидид свидетельствует о том, что богатые афиняне сравнительно недавно (οὐ πολὺς χρόνος) отказались от изысканных льняных хитонов и золотых заколок на волосах (Thuc. I. 6. 3). По мнению же критика афинской демократии, престижность одежды в Афинах и вовсе сходит на нет: как свидетельствует тот же Псевдо-Ксенофонт, в Афинах по одежде нельзя было отличить свободного от раба (Ps.-Xen. Ath. pol. I. 10–11).

Что же приходит на место стремления к роскоши? С середины V в. до н.э. в среде афинских аристократов усиливается восхищение Спартой. Конечно, Спарта вряд ли могла конкурировать в качестве места производства предметов роскоши. Хотя, к примеру, в комедиях Аристофана фигурирует и лаконская (по названию, но вряд ли по месту производства) обувь. Бделиклеон убеждает отца:

Так скинь и эти шлепанцы (*эмбады*) проклятые,
Обуйся лучше в сапоги лаконские (*Лакоикаи*)!
(Vesp. 1157–1158)

Филоклеон пытается отказаться, используя «патриотическую» риторику:

Чтоб я стерпел! Чтоб дал я подвязать себе
Врагом коварным скроенные стельки? Нет!
(Vesp. 1159–1160)

Вообще наименование предметов одежды и обуви по месту (первоначального) производства было распространено в классической Греции. Так, в «Женщинах на празднике Фесмофорий» Мнесилох наряду с персидскими туфельками упоминает и критскую рубашку (τὸ Κρητικόν) (Thesm. 730). «Лаконики» – это, скорее, модель обуви, и совершенно не обязательно, что данный экземпляр был произведен именно в Спартанском государстве.

Восхищение спартанской простотой зарождается в Афинах в период Греко-персидских войн несомненно под влиянием доблести спартанцев и побед, одержанных спартанцами совместно с другими греками, над персами. Дорийская *арете* противопоставляется афинской *полипрагмосюне* даже в труде такого патриотически настроенного афинского автора, как Фукидид²².

Чем была еще притягательна Спарта – так это качеством *пайдеи*, воспитания молодежи. И афинская аристократия к концу V в. до н.э. не настолько отличалась уже уровнем богатства от верхушки демоса. Аристократия уже не могла конкурировать с демосом богатством: состояния «новых богачей» зачастую превосходили состояния аристократов. Аристократия была способна еще конкурировать образом жизни. Неотъемлемой частью лаконской простоты были не только одежда²³, но и

²¹ См. Braund 1994, 46–47.

²² Wasserman 1964, 294–295.

²³ «Лакедемоняне первые стали носить скромное одеяние нынешнего образца, и вообще у них люди более зажиточные в образе жизни очень приблизились к народной массе» (Thuc. I. 6. 4).

своеобразная «брутальность» в поведении. В Афинах не принято было бить рабов, а в Спарте били и убивали илотов, и то, что Алкивиад мог до смерти забить слугу (Plut. Alc. 3. 2), вполне соответствовало спартанским обычаям²⁴.

В результате для афинской аристократии роскошь перестает быть престижной, и она обращается к лаконской простоте. Восхищение спартанскими эгалитарными ценностями²⁵ в среде афинских аристократов конца V в. до н.э. стало реакцией на материальное благосостояние афинского демоса, доступность предметов роскоши для его представителей. Впрочем, действительно, можно говорить только о восхищении спартанским идеалом – в реальной Спарте конца V – начала IV в. до н.э. эгалитарные ценности размываются, распространяются стремление к обогащению и коррупция.

К IV в. в среде афинской аристократии «мидийская» роскошь окончательно уступает место преклонению перед спартанскими обычаями. Не удивительно, что в трудах Ксенофонта мы не найдем восхищения персидской роскошью, которая перестает быть престижной, и никакие политические унижения греков начала IV в. не могли что-либо изменить.

Итак, в течение второй половины V в. до н.э. происходит распространение аристократической приверженности к персидской роскоши на демос, свидетельством чему становятся комедии Аристофана. Они демонстрируют процесс перехода от восприятия греками персидского импорта как образцового, престижного предмета потребления, «персидской роскоши», к восприятию персидских вещей в качестве привычного бытового антуража повседневной жизни. Отсюда и до презрения к персидской роскоши, и до походов Александра Македонского рукой подать.

Литература

- Аристофан* 2000: Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. Изд. подг. В.Н. Ярхо. М. Розенберг Ф. 1927: Аристофан о персидских тканях // Восточные записки. I, 37–45.
- Рунг Э.В.* 2009: Греко-персидские отношения: политика, экономика, пропаганда. Казань.
- Суриков И.Е.* 2008: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.
- Суриков И.Е.* 2011: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.
- Aristophanes* 2002: *Acharnians* / S.D. Olson (ed.). Oxf.–N.Y.
- Braund D.* 1994: The Luxuries of Athenian Democracy // *Greece and Rome*. 41, 1, 41–48.
- Compton-Engle Gw.* 2003: Control of Costume in Three Plays of Aristophanes // *AJPh*. 124, 4, 507–535.
- Goldhill S.* 1998: Battle Narrative and Politics in Aeschylus' *Persae* // *JHS*. 108, 189–193.
- Hodkinson S.* 2000: Property and Wealth in Classical Sparta. London–Swansea.
- Miller M.C.* 1992: The Parasol: an Oriental Status-Symbol in Late Archaic and Classical Athens // *JHS*. 112, 91–105.
- Miller M.C.* 1997: Athens and Persia in the Fifth Century B.C. A Study in Cultural Receptivity. Cambr.
- Poetae* 1984: *Poetae Comici Graeci* / R. Kassel et C. Austin (eds.). Vol. III, 2. Aristophanes. Testimonia et fragmenta. B.–N.Y.
- Strong D.E.* 1966: Greek and Roman Silver Plate. L.
- Taillardat J.* 1962: Les images d'Aristophane. Études de langue et de style. P.
- Vickers M.* 1995: Alcibiades at Sparta: Aristophanes' Birds // *Classical Quarterly*. 45, 339–354.
- Wassermann F.M.* 1964: The Voice of Sparta in Thucydides // *Classical Journal*. 59, 7, 289–297.
- Webster T.B.L.* 1932: Attic Vase Paintings during the Persian Wars // *Greece and Rome*. 1, 3, 137–142.
- Zournatzi A.* 2000: Inscribed Silver Vessels of the Odrysan Kings: Gift, Tribute, and the Diffusion of the Forms of «Achaemenid» Metalware in Thrace // *AJA*. 104, 4, 683–706.

²⁴ Vickers 1995, 348.

²⁵ Несмотря на то что к концу V в. эти ценности подверглись значительной эрозии в самом спартанском обществе; см., например, Hodkinson 2000.

S. G. Karpyuk

The author traces the development of «fashion» for luxury in 5th century BC Athens. During the first half of the 5th century BC aristocratic fashion for Persian luxury grows ever more popular with the demos, as Aritophanes' comedies witness. At the same time luxury loses its prestige in the eyes of the Athenian aristocrats, who prefer to adopt Laconic simplicity. Admiration of Spartan egalitarian values among 5th century BC Athenian aristocrats was thus a reaction to the growth of welfare of the Athenian citizens, who were now able to afford objects of luxury.

© 2012 г.

А. В. Муравьев, А. А. Немировский

ОТ НИНЕВИИ ДО СУЗИАНЫ. ЗАМЕТКИ ПО ТОПОГРАФИИ МЕСОПОТАМИИ В СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В работе предлагается интерпретация двух топонимов, присутствующих в сирийской христианской традиции VII в. н.э.— эпитета «Ниневийский» и оронима Матут.

Ключевые слова: историческая география, Исхак Ниневийский, Ниневия, Матут.

Топография и топонимика Месопотамии и Сирии сравнительно хорошо изучены для ассирийского и персидско-эллинистического времени. Известны основные города, даже деревни, они сопоставлены с курганами-«телями», примерно представляем мы и карту дорог. Однако эпоха поздней древности, особенно время заката сасанидского владычества на Ближнем Востоке, известна в этом отношении гораздо хуже. Еще менее ясны бывают географические сообщения источников начиная от арабской эпохи и до появления первых детальных карт региона (XIX в.). Арабские картографы и путешественники внесли в топографию Месопотамии немало дополнительной путаницы. Иранские названия, заменившие привычные эллинистические, постепенно заменяются арабскими, а затем отчасти и тюркскими, что отразилось в поздних источниках и создало для современных исследователей топографии Месопотамии множество затруднений.

Настоящая работа посвящена топонимам Ниневия и Матут в биографической традиции об известном сирийском мистическом писателе мар Исхаке Ниневийском, известном византийцам и славянам как «Исаак Сирийский» (Ἰσαὰκ ὁ Σύρος). В литературе о нем нередко возникает вопрос, что в действительности обозначает его когномен «Ниневийский» (Ninwāyā). Все наличные источники сообщают, что Исхак был родом из Катара (Бет- Катрае), но католикос Геваргис I в 676 г. н.э. увез его из региона Залива на Север, вероятно, с целью сделать своим преемником на троне католикосов Церкви Востока. Там Исхак стал «епископом Ниневийским».